

нёсших шунтирование и воспаление шунтов — многочисленные операции и борьба за жизнь.

И Бог окружает меня любящими людьми

Со Светочкой, медсестрой «Ран и раневых инфекций» института Вишневого, мы познакомились в отделении. Она была рядом, помогала и навещала меня уже после выписки. И вот забрал её Господь, на четвёртой стадии рака, после почти трёх недель мучений. Очень не хватает её...

Владлена и Алексей... В первый раз мы встретились в больничной палате в декабре 2014 года, когда после тяжёлой операции на бедре мне нельзя было двигаться. Ребята просто пришли познакомиться (у нас с Владой один батюшка, отец А.), поддержать меня. Разговаривали, улыбались, не хотелось их отпускать. В следующие визиты Владочка удивляла своими кулинарными способностями. Навещала меня и у Этери, и очень помогла с платными и нужными в тот момент перевязками. Через год, зимой 2016-го, она же устроила меня в Свято-Спиридоньевскую богадельню г. Москвы, где мне просто необходимо было находиться в тот период.

Этери — такое чисто грузинское имя (крещёная Елена). Батюшка предупредил о её приходе ко мне в больницу, ожидала увидеть кавказскую женщину, а в палату вошла женщина русская. Так и познакомилась, подружилась, — один духовный отец, одна Оптина, одна вера в Божий промысел. Этери работала в московском ресторане и всегда приносила что-нибудь вкусное, баловала меня. После первой выписки из института Вишневого мы жили вместе в её однокомнатной квартире. Общие вечерние молитвы, чтение Евангелия — это сильно!

Игорь и Галина — молодая семейная пара, недавно ставшая родителями! Помочь мне в посещении храма Игоря благословил наш батюшка. Так в феврале 2015 года мы познакомились, вместе ездили на службы, несколько раз в Оптину. Игорь заботился обо мне, как брат. Всё время заваливал едой, считая, что мало ем, я ведь больная вся, всегда помогал, писал, звонил, навещал, — я чувствовала себя ребёнком, хотя старше его на 12 лет. Общавшись со мной и Этери, он познакомился с Галечкой, милой и доброй девушкой, и осенью 2015 года они венчались. Жду их в гости, когда подрастёт их мальчик, а Игорь уже навещал и возил меня в Оптину Пустынь.

Олег и Женя — мои давние друзья. Алиса, дочка Жени, всегда рисовала сама открытки, картинки, любила приезжать ко мне в деревню. Олег работал недалеко от института, где я часто лежала, навещал, а после операций и потери крови носил мне регулярно свежесжатый гранатовый сок. Цитировал св. отцов, поддерживал и словом, и делом. «Ты только держись, и мы ещё полетаем!». И через год мы полетали!..

Начала мечтать и о полёте в небо. А Женечка, ещё когда мы с сестрой спасали меня в Могилёве, писала мне письма, высылала посылки, в уголке которых пряталась обязательно денюжка, которая очень помогала нам с сестрой в тот период. Потом приезжали ко мне в гости, привезли благовоение из Греции.

В феврале поздравить меня с днём рождения пришла одна женщина, прочитав про меня статью на фейсбуке, — Тамарочка. Такая вся воздушная, с рыжими локонами волос, светящимися глазами и с каким-то своим неповторимым ароматом. Она принесла много подарков, нужные мне тёплые вещи, которые мы сразу начали примерять, сладости, а главное — она принесла с собой любовь. Да, незнакомый человек, захотевший проявить участие в моей жизни, стал другом и близким человеком, принеся свою любовь.

Бог забрал к себе Светлану, которая стала мне как старшая сестра или даже мать, и послал мне Томочку. Мне просто тепло от одной мысли, что она есть. И когда она по буквам моих писем знает, что сейчас нелегко, то повторяет, напоминая мне истину: «Наташенька, всё будет хорошо! У тебя всё получится». И отправила меня на

море, и отремонтировала мою хижину, где нельзя было жить с открытыми ранами...

Зина и Юра — мой шеф такси и его супруга. С шефом было всё просто — он руководитель, я — подчинённый. Ко мне все относились тепло и с уважением, наверно, потому что женщина, инвалид и за рулём такси пять лет. С Зиной подружились позже, постепенно, особенно сблизилась после моего возвращения в лежачем состоянии домой из Могилёва; она одобрила моё желание работать, возила из офиса телефоны, очень поддерживая этим меня. Узнали друг друга лучше, вместе встретили Рождество 2014 года, вместе ездили в Оптину.

* * *

Сколько друзей появилось в больнице, где я лежала по пять-шесть месяцев. Мы поддерживаем друг друга до сих пор, а там мы были маленькой семьёй, где все радости и беды делили пополам. Антон с переломанными обеими ногами, год в аппаратах Елизарова (сейчас потихоньку разрабатывает ноги, т.к. у него не сгибаются ступни, ходит на костылях) и его мама Светлана... Василий, потерявший одну ногу в ДТП (сейчас уже ходит на протезе) с бабушкой Ирой... Сергей, попавший в тот вагон в страшной аварии в метро пару лет назад, где погибло двадцать человек, потерявший ногу, но сейчас тоже уже на протезе и с маленькой палочкой, начал работать с супругой Светланой... Владимир Львович, тяжело перенёсший шунтирование, и я просто надеюсь и молюсь за него... Альберт, Галечка, Ирина, Оксана, Руслан, Даниял — сколько несчастий, сколько боли!

Когда вам плохо, нет настроения — придите в отделение «Ран и раневых инфекций». Вы увидите не только калек и боль, но и свет в их глазах. Потому что они уже знают: Слава Богу, что живы, что вот так всё, а не по-другому! Все записаны в помяннике о здоровье. И врачи записаны — каждый. Отдельный поклон батюшкиному чаду Ольге А.! Всем!

* * *

Когда меня выписывали через шесть месяцев во второй раз, я ещё нуждалась в профессиональном уходе. Владлена, моя духовная сестра, подсказала обратиться в Свято-Спиридоньевскую богадельню в Москве, где я и прожила следующие полгода. После больницы это место оказалось раем на земле, в прямом смысле слова. Сестра милосердия — это не больничная медсестра, не санитарка, не врач, не родственник, который, предполагается, тебя любит, — это всё в одном флаконе. Это любовь не на словах, это настоящее любовь — делание, о котором пишут святые. Я счастлива, что оказалась там, и теперь знаю, что есть это место на грешной земле, есть. Сёстры несут настоящее милосердие в своих делах по уходу за немощными людьми. Сюда не придёшь «работать». Сестрой милосердия можно стать, преодолев что-то в себе, наверно, каждая сестра прошла свой путь этого становления. Как и весь персонал, работающий там, — от охранника и повара до директора. После больничных стен, всех перенесённых с Божьей помощью сложностей, я немного напряглась в первое время, так непривычно это всё казалось. Но наблюдать, с какой любовью сёстры ухаживают круглосуточно за пожилыми беспомощными людьми — это стало наградой.

В свой первый день в богадельне я познакомилась с Володей. Он на коляске восемь лет, «шейник» — так называют колясочников с шейным переломом позвоночника. Володя еле двигал руками, не чувствовал и не мог руководить не только телом, но даже пальцами на руках, и не мог сам пересест на коляску. Мы часто вместе гуляли и подружились. Мне не хватает наших бесед. Пусть он на коляске и парализован, но он настоящий!

Оля, все сестрички зовут её Ольга Геннадьевна, потому что она старшая сестра, при нашей первой встрече сказала просто: «Я Оля» — «Я Наташа». — «А я знаю, мы тебя уже ждём». И сразу стало тепло. Оля — это сердечко богадельни, её душа.

Она в прямом смысле как моя родная сестра, выхаживала, делала перевязки, поддерживала одним своим присутствием.

Наташенька, такая природная и женственная, с очень тёплыми глазами и бездонным сердцем любви. Моя любимая женщина, — говорю ей всегда при встрече.

Маша — заботливая, как мама, любящая всех и каждого в отдельности, рядом с ней становишься ребёнком. Светочка, от слова «свет», всегда уловит твоё настроение, скажет прямо, что думает и поддержит тёплыми словами. Танечка, Оля, Настя и ещё Александра — моя вторая любимая женщина.

Директор Евгений, замечательный человек с необычным юмором. Это капитан корабля, ставший мне другом или братом, родным человеком — до сих пор поддерживает и добрым словом, и шуткой, и делом.

Со всей дружной командой мы ездили в паломнические поездки в Псков, Оптину Пустынь, побывали в Третьяковской галерее, выезжали в Подмоскovie на природу, в кино, в театр... Все, каждый человек, работающий в Свято-Спиридоньевской богадельне — это лучик солнца и любви. Здесь в честь святителя Спиридона Тримифунтского домовый храм — каждые выходные литургия. Богадельня — детище Епископа Пантелеимона (Шатова), по большим праздникам он тоже приезжает и служит у нас. «Хорошо читаешь, Наташенька, молодец», — благословляя всех и меня, сказал он перед уходом. На литургии я читаю Часы и Благодарственные молитвы, такое для меня доверие, утешение, такая радость...

* * *

В мае мой старинный друг Олег, занимающийся парашутным спортом, сдержал обещание и пригласил на фестиваль, где я поднялась в небо на парашуте в тандеме с инструктором. Рекомендую всем! Все страхи покинули меня одновременно с отрывом парашюта от земли. 30 минут полёта. Господи, помилуй, шептала я на земле. А в небе, ощутив победу и ликование, пела «Христос воскрес из мертвых, Смертию смерть поправ, И сущим во гробех живот даровав». Весь полёт — это восторг, торжество и победа.

* * *

А в июне сбылась очередная мечта: благодаря Томе я с сыном поехала на море и на долгожданную встречу с любимой сестрой, её детьми и новорождённой Василисой, крёстной которой мне выпала честь стать. У меня теперь дочка, богоугодные мечты сбываются. Наконец-то мы с сестрой рядом, просто рядом — и это уже счастье. И наши дети, и мы — все вместе.

Плаваю. Получается прекрасно, несмотря на почти четыре года больниц, множество операций... Да, всё от Бога, и это счастье — плавать. Быть всей в шрамах, без каких-то там костей, столько пережить — и плыть... Я далеко плавала, к горизонту, ощутив себя песчинкой и ничем без Божьей воли. Улыбаюсь постоянно, даже загораю на солнце.

Напоследок решили съездить в дельфинарий, и я полчаса плавала с этими удивительными животными в присутствии инструктора, который показал, как надо слушать дельфинов, разговаривающих под водой. Я обнимала их, гладила (они такие гладкие!), а потом держалась за плавники, и дельфины прокатили меня по бассейну! Нежнее дельфинов разве есть кто? И кто счастливей меня?

* * *

После моря с добровольцем Евгением, который навещал Володю, колясочника, в богадельне, поехала в Оптину Пустынь. Ещё один замечательный человек в моей жизни — многогранный, умный, терпеливый. Встречалась со своим духовником, отцом А.

А возвратившись в богадельню, приняла решение вернуться домой. Я уже научилась сама делать перевязки и знаю, что много ещё есть людей, которым нужней находиться под круглосуточным уходом сестёр милосердия. Мне очень нравится свежий деревенский воздух, топить печку и смотреть на горящие дрова, довести до

кипения на газу кашу, а потом настаивать её с маслом на тёплой печке. Выносить в старой кастрюле какую-нибудь еду собакам, пробегающим мимо (смотрю, и птички клюют). Зажигать несколько раз в день перед иконостасом лампаду с ладаном во время молитв. Рядом — Оптина Пустынь, двенадцать километров, отец А., и может когда-нибудь, если Богу будет угодно, у меня будет своя машина, я снова сяду за руль и смогу приезжать туда чаще — пока получается один или два раза в неделю.

* * *

Бог никогда не оставляет. «От меня это всё было» — да, всё от Бога. На каждого человека у Господа свой план. Мы не можем знать эти планы, мы можем только верить Ему и уповать, надеяться, и так любить ближних, как Он заповедал нам. Так прощать, с любовью прощать, как Он простил распинающих Его на кресте. Так терпеть и смиряться, как Он муки нечеловеческие терпел. Я тоже не знаю Его план на мою жизнь дальше: сяду ли я за руль, выйду ли замуж, сбудутся ли ещё мои мечты? Но твёрдо знаю, что, если они не сбудутся, значит, для меня это лучше. Бог научил меня доверять Ему и учиться всю свою оставшуюся жизнь любить, прощать, терпеть и учиться — ежеминутно, ежедневно: сегодня, здесь, сейчас. Я счастлива, что понимаю это. Я счастлива от присутствия каждого человека в моей жизни — они моя опора, поддержка от Бога. Счастлива, что многое поняла. Счастлива, что люблю.

Счастлива, что сейчас на вопрос бабушки: «Что важнее: чтобы ты любила или тебя?» я бы ответила уже по-другому — чтобы я любила. Счастлива, что у меня есть это время и я успела написать вкратце свой путь; счастлива, что у меня есть бесценный дар Божий — жизнь и эти секунды, в которые я могу сказать: слава Тебе, Господи, за всё!

* * *

P.S: прочитав этот небольшой рассказ, моя сестра сказала: «Ты так написала, что я плакала в туалете, а я ведь и не плакала, — только один раз. Я была счастлива: счастлива, что мы наконец-то вместе, ведь тебя сложно "поймать", счастлива, что мы вместе проходим этот путь. Счастлива, что мы его прошли, вместе увидели чудо, могущество и промысел Божий».

Лёля Якушева (сестра):

В этом рассказе я хочу выделить период, когда мы с Наташей лежали в больнице. До отъезда в Могилёв. Не только потому, что я участник, а потому, что это были наши лучшие дни, проведённые вместе. Места для отчаяния почти не было у меня в душе. Была боевая готовность. Молитвенный настрой. И много смеха и шуток с сестрой. Когда ещё бы мы наговорились и нашутились вдоволь? Была вера, что всё будет хорошо. А про минуты отчаяния вспоминать не хочется.

И не хочется вспоминать, как привозили Наташу после перевозок. Как мучительно она приходила в себя после них. Озноб, сильнейшая дрожь, температура, грелка, бутылки с тёплой водой, одеяла, трубочка для горячего чая — всё наготове. Трясёт. Лицо Наташи — это страдание. А я не люблю, когда она страдает. Не люблю, когда плачут её красивые голубые глаза. Пик. Жар. Раскрываемся. Облегчение. И снова моя Наташа. Я с нетерпением жду этого возвращения. Это воспоминание после первой реанимации...

Вообще их много, я тоже хочу всё записать. Я хочу засвидетельствовать чудо! После которого Наташа воцерковилась, а я укрепила в вере. Чудо, после которого становится стыдно за свои моменты уныния и сомнения. Читать в житиях о чуде исцеления — одно, а участвовать в этом чуде, быть свидетелем — совершенно другое! Когда врачи разных больниц и городов меня уверяли в смерти и угасании Наташи, Господь являет свою волю, показывая нам, что на всё Его воля святая, что наши молитвы слышны Ему!

Укрепляйтесь! И никогда не ропщите! Если вы молитесь и верите, Господь управит. Не вы, не другие люди! С Богом!